

Антон Антонович Дельви́г

А. А. Дельви́г. Сочинения

Содержание

#1	0007
СОДЕРЖАНИЕ 1. Дамон (Идиллия) 2. Ответ 3. Две звездочки 4. Гений-хранитель (Сновидение) 5. На смерть В«еневитино»ва	0008
13. Луна 14. Застольная песня 15. На смерть собачки Амики 16. Купальницы (Идиллия) 17. К Лилете 18. К Дориде	0010
21. К Амуру (Из Геснера)	0011
23. Песня ("Наяву и в сладком сне...") 24. Романс ("Вчера вакхических друзей...") 25. Жалоба	0012
27. Сон 28. Разочарование 29. На смерть*** (Сельская элегия)	0013
35. Русская песня ("Ах ты, ночь ли...") 36. Домик 37. Цефиз (Идиллия) 38. Дифирамб (На приезд трех друзей) 39. Мы	0014
41. К птичке, выпущенной на волю	0015
43. Роза 44. Романс ("Только узнал я тебя...") 45. Друзья (Идиллия) 46. Музам	0016
48. Смерть	0017
53. Вакх	0018
57. Хата	0019
1. ДАМОН	0021
1821 2. ОТВЕТ	0030
1820	0032
4. ГЕНИЙ-ХРАНИТЕЛЬ	0034

5. НА СМЕРТЬ В«ЕНЕВИТИНО»ВА	0037
1823	0039
1824	0040
1824	0043
1825	0045
1824 13. ЛУНА	0047
1821	0051
1824	0063
1814	0065
1815 19. ХОР	0067
21. К АМУРУ	0070
1827	0072
1824	0074
1823	0075
27. СОН	0077
1828	0079
1824	0080
1822	0083
1822	0084
1822	0085
1823	0087
1823	0089
1821	0093
38. ДИФИРАМБ	0097
39. МЫ	0099
1824	0100
1823	0102
1823 43. РОЗА	0104

1823	0106
1826	0113
1821	0114
1821	0116
1823	0117
1823	0118
53. ВАКХ	0119
1815	0120
1828	0121
1824	0123
1815 (?) 57. ХАТА	0125
1815	0127
59. К МАЛЬЧИКУ	0129
1814	0132
1820	0134
1814	0137
1828	0154
1828	0155
55-56, 58-59, 61-64, 66-68, 70-71, 73-78, 81-82, 84, 86, 88-89, 92-93,	0159
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	0165
1961	0167
АН СССР	0169
1922	0170
1974	0171
1938	0172
1972	0174
"СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА"	0177

1824).....	0179
43).....	0186

Антон Антонович Дельви́г

А. А. Дельви́г. Сочинения

"Стихотворения Барона Дельвига" _
Л., "Художественная литература", 1986
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

1. Дамон (Идиллия)

2. Ответ

3. Две звездочки

4. Гений-хранитель
(Сновидение)

5. На смерть В«еневитино»ва

6. Н. И. Гнедичу

7. Эпитафия ("Жизнью земною играла
она, как младенец игрушкой...")

8. В альбом А. Н. Вульф

9. В альбом С. Г. К-ой

10. Романс ("Друзья, друзья! я Нестор между
вами...")

11. Русская песня ("Соловей мой, соловей...")

12. Русская песня ("Пела, пела пташечка...")

13. Луна

14. Застольная песня

15. На смерть собачки Амики

16. Купальницы (Идиллия)

17. К Лилете

18. К Дориде

19. Хор. Из Колиновой трагедии "Поликсена"

20. Надпись на статую флорентийского Меркурия

21. К Амуру (Из Геснера)

22. Идиллия ("Некогда Титир и Зоя, под тению двух юных платанов...")

**23. Песня ("Наяву и в
сладком сне...")**

**24. Романс ("Вчера
вакхических друзей...")**

25. Жалоба

26. Романс ("Одинок месяц плыл, зыбляся в
тумане...")

27. Сон

28. Разочарование

29. На смерть*** (Сельская элегия)

30. Вдохновение (Сонет)

31. Сонет ("Златых кудрей приятная небрежность...")

32. Н. М. Языкову (Сонет)

33. С. Д. Пономарев'ой при посылке книги "Воспоминание об Испании", соч. Булгарина (Сонет)

34. Русская песня ("Что, красотка молодая...")

**35. Русская песня ("Ах ты,
ночь ли...")**

36. Домик

37. Цефиз (Идиллия)

**38. Дифирамб (На приезд
трех друзей)**

39. Мы

40. Утешение

41. К птичке, выпущенной на волю

42. Русская песня ("Голова ль моя, головушка...")

43. Роза

**44. Романс ("Только узнал я
тебя...")**

45. Друзья (Идиллия)

46. Музам

47. Эпиграмма ("Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья...")

48. Смерть

49. В альбом ("О, сила чудной красоты!..")
50. Романс ("Прекрасный день, счастливый день...")
51. Романс ("Не говори: любовь пройдет...")
52. Эпитафия ("Что жизнь его была? тяжелый сон...")

53. Вакх

54. Русская песня ("Сиротинушка, девушка-ка!..")

55. Русская песня ("Скучно, девушки, весною жить одной...")

56. Пушкину ("Кто, как лебедь цветущей Авзонии...")

57. Хата

58. Романс ("Сегодня я с вами пирую, друзья...")

59. К мальчику

60. Первая встреча

61. Песня ("Дедушка! – девицы...")

62. К Диону

63. Элегия ("Когда, душа, просилась ты...")

64. Конец золотого века (Идиллия)

65. Эпилог

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Goethe.

1. ДАМОН

(Идиллия)
Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И запад, слившийся с краями далекими моря,
Готовый блестящего бога принять, загорался;
В долинах, на холмах звучали пастушьи свирели;
По холмам, долинам бежали стада и шумели;
В прохладе и блеске катилися волны Алфея.
Дамон, вдохновенный певец, добродетельный старец,
Из хижины вышел и сел у дверей на пороге.
Уж семьдесят раз он первыми розами лиру
И длинные кудри свои украшал, воспевая
На празднике пышном весны и веселье, и
младость.

А в юности зрелой камены его полюбили.
Но старость, лишив его сил, убелив ему
кудри,

Отнять у него не могла вдохновенного да-
ра

И светлой веселости: их добродетель хра-
нила.

И старец улыбкой и взором приветливым
встретил

Отвсюду бегущих к нему пастухов и пасту-
шек.

"Любезный Дамон, наш певец, доброде-
тельный старец!

Нам песню ты спой, веселую песню, – кри-
чали, -

Мы любим, после трудов и полдневного
жара,

В тени близь тебя отдыхать под веселые
песни.

Не сам ли ты пел, что внушенные музами
песни

На сердце больное, усталое веют прохла-
дой,

Которая слаще прохлады, из урны Алфея
С рассветом люющейся, слаще прохлады,

лилеям

Свежесть дающей росы, и вина векового,
В амфорах хранимого дедами, внукам на
радость?

Что, добрый? Не так ли ты пел нам?" Да-
мон улыбнулся.

Он с юности ранней до позднего вечера
жизни

Ни в чем не отказывал девам и юношам
милым.

И как отказать? Убедительны, сладки их
просьбы:

В прекрасных устах и улыбка, и речи пре-
красны.

Взглянул он на Хлою, перстом погрозил ей
и молвил:

"Смотри, чтоб не плакать! и ты попадешь в
мою песню".

Взял лиру, задумался, к солнцу лицом об-
ратился,

Ударил по струнам и начал хвалою бес-
смертным:

"Прекрасен твой дар, Аполлон, – вдохно-
венные мысли!

Кого ты полюбишь, к тому и рано и поздно

В смиренную хижину любят слетаться ка-
мены.

О Эрмий, возвышен твой дар – убедитель-
ность речи!

Ты двигаешь силою слова и разум и душу.
Как ваших даров не хвалить, о Гимен, о
Паллада!

Что бедную жизнь услаждает? – Подруга и
мудрость.

Но выше, бесценней всего, Эрот и Киприда,
Даяние ваше – красою цветущая младость!

Красивы тюльпан, и гвоздика, и мак пур-
пуровый,

Ясмин, и лился красивы – но краше их ро-
за;

Приятны крылатых певцов сладкозвучные
песни -

Приятней полночное пенье твое, Филоме-
ла!

Все ваши прекрасны дары, о бессмертные
боги!

Прекраснее всех красотою цветущая мла-
дость,

Прекрасней, проходчивей всех. Пастухи и
пастушки!

Любовь с красотой не жители – гости земные,

Блестят, как роса, как роса, и взлетают на небо.

А тщетны без них нам и мудрость, и дар убеждения!

Крылатых гостей не прикличешь и лирой Орфея!

Все, други, вы скажете скоро, как дед говорит ваш:

Бывало, любили меня, а нынче не любят!

Да вот и вчера... Что краснеешь ты, Хлоя? взгляните,

Взгляните на щеки ее: как шиповник алейют!

Глядите: по ним две росинки, блестя, покатились!

Не вправду ль тебе говорил я: смотри, чтоб не плакать!

И ты попадешь в мою песню: сказал – и исполню".

И все оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя

Щеками горячими робко прижалась к подруге,

И шепот веселый и шум в пастухах пробу-
дила.

Дамон, улыбаясь на шум их и шепот весе-
лый,

Громчей заиграл и запел веселей и быст-
рее:

"Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, где
нимфы,

Игривые дочери Алфея и ближних потоков,
Расчесывать кудри зеленые любят схо-
диться

И вторить со смехом и песням, и клятвам
любовным,

Там встретил я Хлою. "Старинушка доб-
рый, спой песню", -

Она мне сказала. – "С охотой, пастушка, с
охотой!

Но даром я песень не пел никогда для пас-
тушек;

Сперва подари что-нибудь, я спою". – "Что
могу я

Тебе подарить? Вот венок я сплела!" – "О,
прекрасен,

Красиво сплетен твой венок, но венка мне
не надо".

– "Свирелку возьми!" – "Мне свирелку! красавица? Сам я

Искусно клею их воском душистым". – "Так что же

Тебе подарю я? Возьмешь ли корзинку? Мне нынче

Ее подарил мой отец – а ты знаешь, корзинки

Плетет он прекрасно. Но, дедушка, что же молчишь ты?

Зачем головой ты качаешь? Иль этого мало?

Возьми же в придачу ты овцу любую!" – "Шалунья,

Шалунья, не знать в твои годы, чем платят за песни!"

– "Чего же тебе?" – "Поцелуя". – "Чего?" – "Поцелуя".

– "Как, этой безделицы?" – "Ах, за нее бы я отдал

Не только венок и свирелку, корзинку и овцу:

Себя самого! Поцелуй же!" – "Ах, дедушка добрый!

Все овцы мои разбежались; чтоб волк их

не встретил,

Прощай, побегу я за ними". – Сказала, и мигом

Как легкая серна, как нимфа дубравная, скрылась.

Взглянул я на кудри седые, вздохнул и промолвил:

Цвет белый пастушкам приятен в нарциссах, в лилеях;

А белые кудри пастушкам не милы. Вот, други,

Вам песня моя: весела ли, судите вы сами".

Умолк. Все хвалили веселую песню Дамона;

А Хлоя дала поцелуй (так хотели пастушки)

Седому слагателю песней игривых и сладких -

И радость блеснула во взорах певца. Возвращаясь

К своим шалашам, пастухи и пастушки: "О боги, -

Молились, – пошлите вы нам добродетель и мудрость!

Пусть весело встретим мы старость, подоб-

но Дамону!

Пусть так же без грусти, но с тихой улыбкою скажем:

"Бывало, любили меня, а нынче не любят!"

1821

2. ОТВЕТ

Зачем на меня ты и глупость, и злобу,
Плетнев, вызываешь нескромной хвалой?

К чему величаешь любовью бессмертных
Простого певца?

Так, были мгновенья ниспосланы Фебом:

Я плавал в восторгах, я небом дышал!

Я пел – и мне хором, веселые, вторить

Любили друзья.

Я пел – но в то время роскошная младость

Мне жизнь озаряла волшебным лучом:

Я веровал в счастье, я жаждал любви,

Я славой горел!

И опыт суровый смирил обольщенья,

Мой взор прояснился; но скрылись мечты,

За ними и счастье, и прелесть любви,

И славы призрак.

Как слушал Лаертид, привязанный к
мачте,

Волшебные песни Скиллийских сирен
И тщетно к ним рвался – упрямые верви
Держали его, -

Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновений:
Мне путь на родную страну возбранен,
И глас мой подобен унылому гласу
Жестоким стрелком

Подстреленной птицы, когда завывают
Осенние ветры и к теплым странам
Веселою стайей при кликах несутся
Подруги ее.

3. ДВЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Со мною мать прощалася
(С полком я шел в далекий край);
Весь день лила родимая
Потоки слез горячие,
А вечером свела меня
К сестре своей кудеснице.
В дверь стукнула, нет отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучит, огонь секут;
В окно глядим, там светится.
Вот в третий раз стучит, кричит:
"Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отопрешься ль?" – Нет отзыва!
Мы час стоим, другой стоим:
А за дверью огонь горит,
Дрова трещат, котлы кипят,
Ворчат, поют нерусское.
Но полночь бьет, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!

Мы ждатель-пождать, дверь скрыпнула,
Идет, поет кудесница:
"Туман, туман! В тумане свет!
То, дитяtko, звезда твоя!
Туман тебе: немилый край;
Туманный свет: туманно жить.
Молись, молись! туман пройдет,
Туман пройдет, звезда блеснет,
Звезда блеснет приветнее,
Приветнее, прилучнее!"
Ах, с той поры в краю чужом
Давным-давно я ведаю
Тоску-печаль, злодейку-грусть';
Злодейка-грусть в душе живет.
Так, старая кудесница,
Туман, туман – немилый край!
В нем тошно жить мне, молодцу!
Но та звезда, та ль звездочка,
Свети иль нет, мне дела нет!
В краю чужом у молодца
Другие есть две звездочки
Приветные, прилучные -
Глаза ль моей красавицы!

1824 или 1825

4. ГЕНИЙ-ХРАНИТЕЛЬ

(Сновидение)

Грустный душою и сердцем больной, я
на одр мой недавно

Кинулся, плакать хотел – не мог и роптал
на бессмертных.

Все испытанья, все муки, меня повстречав-
шие в жизни,

Снова, казалось, и вместе на душу, тяже-
лые, пали.

Я утомился, и сон в меня усыпление про-
лил:

Вижу – лежу я на камне, покрытый весь
ранами, цепи

Руки мои бременят, надо мною стоит и ры-
дает

Юноша светлый, крылатый, созданье тво-
рящего Зевса.

"Бедный товарищ, терпенье!" – он молвил
мне.

(Сладость внезапно

В грудь мою полилась – и я жадно стал

дивного слушать.)

"Я твой гений-хранитель! Вижу улыбку укора,

Вижу болезненный взгляд твой, страдалец невинный, и плачу.

Боги позволили мне в сновиденьи предугро-
реннем ныне

Горе с тобой разделить и их оправдать
пред тобою.

Любят смертных они; и уж радость по воле
их ждет вас

С мрачной ладьи принять и вести в оби-
тель награды.

Но, доколе вы здесь, вы игралище мощного
Рока;

Властный, законы ужасные пишет он пар-
кам суровым.

Эрмий со мною (тебя еще не было) послан
был Зевсом

Миг возвестить, когда им выпрясть нить
твоей жизни.

Вняли веленью они и к делу руки простер-
ли.

Я подошел к ним, каждую собственным
именем назвал,

Низко главу наклонил и молил, всех вме-
сте и розно,

Ровно нить сию прясть иль в начале ее пе-
ререзать.

Нет! и просьбы, и слезы были напрасны!

Дико

Песню запели они, и в перстах вретено за-
кружилось".

1820 или 1821

5. НА СМЕРТЬ В «ЕНЕВИТИНО» ВА

Дева

Юноша милый! на миг ты в наши игры
вмешался!

Розе подобный красой, как Филомела, ты
пел,

Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев
и песень,

Сколько желаний и ласк новых, прекрас-
ных, как ты.

Роза

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте
расцветаю.

Сладость он жизни вкусив, горечь оставил
другим;

Ах! и любовь бы изменою душу певца
отравила!

Счастлив, кто прожил, как он, век соловьи-
ный и мой!

Март 1827

Б. Н. И. ГНЕДИЧУ

Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость:

В темный недавно Айдес тень славянина пришла;

Там, окруженная сонмом теней любопытных, пропела

(Слушал и древний Омер) песнь Илиады твоей.

Старец наш, к персям вожатого-юноши сладко приникнув,

Вскрикнул: "Вот слава моя, вот чего веки я ждал!"

7. ЭПИТАФИЯ

Жизнью земною играла она, как младенец
игрушкой.

Скоро разбила ее: верно, утешилась там.

8. В АЛЬБОМ А. Н. ВУЛЬФ

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.
Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск Гименовых свечей
Пророчественно полюбила.
Так при уходе зимних дней,
Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певица в крае здешнем

Пленяет песнию своей.

20 января 1826

9. В АЛЬБОМ С. Г. К-ОЙ

Во имя Феба и харит
Я твой альбом благословляю
И, по внушенью аонид,
Его судьбу предвозвещаю:
В нем перескажет дружба вновь
Все уверенья, все мечтанья,
И без намеренья любовь
Свои откроет ожиданья.

1824 или 1825

10. РОМАНС

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.
И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

Не кончен пир – а гости разошлись,
Допировать один остался я -
И что ж? ко мне вы, други, собрались,
Весельчаков бывалых сыновья!
Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино,
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

11. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой

Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночь на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

12. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.
Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?
Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий! -
На море валы шумят,
А не вьюги;
В лесе звери лютые,

Да не люди!

1824

13. ЛУНА

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;
Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.
В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомянул!
В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лила, веселье очей.
Как прежде, шепнула коварная мне:
"Быть вечно твоею клянуся луне".
Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.
Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вздыхнул и на брови надвинул колпак.
1821 или 1822

14. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Други, други! радость

Нам дана судьбой -
Пейте жизни сладость
Полною струей.
Прочь от нас печали,
Прочь толпа забот!
Юных увенчали
Бахус и Эрот.
Пусть трещат морозы,
Ветр свистит в окно -
Нам напомнит розы
С Мозеля вино.
Нас любовь лелеет,
Нас в молодые дни,
Как весна, согреет
Поцелуй любви.
Между 1814 и 1817

15. НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ АМИКИ

О камни, камни всеильные!
Вы внушите мне песню унылую;
Вы взгляните: в слезах Аматузия,
Горько плачут амуры и грации.
Нет игривой собачки у Лидии,
Нет Амики, прекрасной и ласковой.

И Диана, завидуя Лидии,
Любовалась неволью Амикою.
Ах! она была краше, игривее
Резвых псов звероловицы Делии.
С ее шерстью пуховой и вьющейся
Лучший шелк Индостана и Персии
Не равнялся ни лоском, ни мягкостью.
Не делила Амика любви своей:
Нет! любила одну она Лидию;
И при ней не приближьтесь вы к Лидии
(Ах, и ревность была ей простительна!):
Она вскочит, залает и кинется,
Хоть на Марса иль Зевса могучего.
Вот как нежность владела Амикою,
И такой мы собачки лишились!
Как на рок не роптать и не плакаться?
Семь уж люстров стихами жестокими
Бавий мучит граждан и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утешением Лидии.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузия,
Горько плачьте, амуры и грации!
Уж Амика ушла за Меркурием
За Коцит и за Лету печальную,
Невозвратно в обитель Аидову,

В те сады, где воробушек Лесбии
На руках у Катулла чиликает.

16. КУПАЛЬНИЦЫ

(Идиллия)
"Как! ты расплакался! слушать не хочешь и старого друга!

Страшное дело: Дафна тебе ни полслова не скажет,

Песень с тобой не поет, не пляшет, почти лишь не плачет.

Только что встретит насмешливый взор Ликорисы, и обе

Мигом краснеют, краснее вечерней зари перед вихрем!

Взрослый ребенок, стыдись! иль не знаешь седого сатира?

Кто же младенца тебя баловал? день целый, бывало,

Бедный, на холме сидишь ты один и смотришь за стадом:

Сердцем и сжалюсь я; старый, приду посмеяться с тобою,

В кости играя, поспорить, попеть на свирели. Что ж вышло?

Кто же, как ты, свирелью владеет и в кости играет?

Сам ты знаешь, никто. Из чьих ты корзинок плоды ел?

Всё из моих: я, жимолость тонкую сам выбирая,

Плел из нее их узорами с легкой, цветною соломой.

Пил молоко из моих же ты чаш и кувшинов: тыквы

Полные, словно широкие щеки молодого сатира,

Я и сушил, и долбил, и на коже резал искусно

Грозды, цветы и образы сильных богов и героев.

Тоже никто не имел (могу похвалиться) подобных

Чаш и кувшинов и легких корзинок. Часто, бывало,

После оргий вакхальных другие сатиры спешили

Либо в пещеры свои, отдохнуть на души-

стых постелях,

Либо к рощам пугать и преследовать юных пастушек -

Я же к тебе приходил, и покой, и любовь забывая;

Пьяный, под песню твою плясал я с ученым козленком;

Резвый, на задних ногах выступал и прыгал неловко,

Тряс головой и на ррги мои и на бороду злился.

Ты задыхался от смеха веселого, слезы блестя

В ямках щечек надутых – и все забывалось горе.

Горе ж какое тогда у тебя, у младенца, бывало?

Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирель, да и только.

Нынче ль тебя не утешу я? нынче ль оставлю? поверь мне,

Слезы утри! успокойся и старого друга послушай". -

Так престарелый сатир говорил молодому Микону,

В грусти безмолвной лежащему в темной каштановой роще.

К Дафне юный пастух разгорался в младенческом сердце

Пламенем первым и чистым: любил, и любил не напрасно.

Все до вчерашнего вечера счастье ему предвещало:

Дафна охотно плясала и пела с ним; даже однажды

Руку пожала ему и что-то такое шепнула

Тихо, но сладко, когда он сказал ей: "Люби меня, Дафна!"

Что же два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?

Только он к ней – она от него. Понятные взгляды,

Ласково-детские речи, улыбка сих уст пурпуровых,

Негой пылающих, – все, как весенней водою, уплыло!

Что случилось с прекрасной пастушкой? Не знает ли, полно,

Старый сатир наш об этом? не просто твердит он: "Послушай!"

Ночь же прекрасная: тихо, на небе ни облака! Если

С каждым лучом богиня Диана шлет по лобзанию

Эндимиону счастливицу – то был ли на свете кто смертный

Столько, так страстно лобзаем и в полную пору любви!

Нет и не будет! Лучи так и блещут, земля утопает

В их обаятельном свете; Иллис из урны прохладной

Льет серебро; соловьи рассыпаются в сладостных песнях;

Берег дышит томительным запахом трав ароматных;

Сердце полнее живет, и душа упивается негой".

Бедный Микон сатира послушался, медленно поднял

Голову, сел, прислонился к каштану высокому, руки

Молча сложил и взор устремил на сатира; а старый

Локтем налегся на длинную ветвь и, кача-

ясь, так начал:

"Ранней зарею вчера просыпаюсь я: холодно что-то!

Разве с вечера я не прикрылся? где теплая кожа?

Как под себя не постлал я трав ароматных и свежих?

Глядь, и зажмурился! свет ослепительный утра, не слитый

С мраком ленивым пещеры! Что это? дернул ногами:

Ноги привязаны к дереву! Руку за кружкой: о боги!

Кружка разбита, разбита моя драгоценная кружка!

Ах, я хотел закричать: ты усерден по-прежнему, старый,

Лишь не по-прежнему силен, мой друг, на вакхических битвах!

Ты не дошел до пещеры своей, на дороге ты, верно,

Пал, побежденный вином, и насмешникам в руки попался! -

Но плесканье воды, но веселые женские клики

Мысли в уме, а слова в растворенных устах
удержали.

Вот, не смея дышать, чуть-чуть я привстал;
предо мною

Частый кустарник; легко листья раздвигаю;
подвинул

Голову в листья, гляжу: там синеют, там
искрятся волны;

Далее двинулся, вижу: в волнах Ликориса
и Дафна -

Обе прекрасны, как девы-хариты, и наги,
как нимфы;

С ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди:
бедных

Прошлой весною ты спас; их мать клева-
ла жестоко, -

Мать отогнал ты, поймал их и в дар при-
нес Ликорисе:

Дафну тогда уж любил ты, но ей подарить
их боялся.

Первые чувства любви, я помню, застенчи-
вы, робки:

Любишь и милой страшишься наскучить и
лаской излишней.

Белые шеи двух лебедей обхватив, Ликори-

са

Вдруг поплыла, а Дафна нырнула в кристалльные воды.

Дафна явилась, и смех ее встретил: "Дафна, я Леда,

Новая Леда". – "А я Аматузия! видишь, не так ли

Я родилась теперь, как она, из пены блестящей?"

– "Правда; но прежняя Леда ничто перед новой! мне служат

Два Зевеса. Чем же похвалишься ты пред Кипридой?"

– "Мужем не будет моим Ифест хромоногий, и старый!"

– "Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу правда!

Твой прекрасен Микон; не сыскать пастуха его лучше!

Кудри его в три ряда; глаза небесного цвета;

Взгляды их к сердцу доходят; как персик, в пору созревший.

Юный, он свеж и румян и пухом блестящим украшен;

Что ж за уста у него? Душистые, алые розы,
Полные звуков и слов, сладчайших всех
песень воздушных.

Дафна, мой друг, поцелуй же меня! Ты скоро
не будешь

Часто твою целовать Ликорису охотно; ты
скажешь:

"Слаще в лобзаннях уста пастуха, молодого
Микона!"

– "Все ты смеешься, подруга лукавая! все
понапрасну

В краску вводишь меня! и что мне Микон
твой? хорош он -

Лучше ему! я к нему равнодушна". – "Зачем
же краснеешь?"

– "Я поневоле краснею: зачем все ко мне
пристаешь ты?

Все говоришь про Микона! Микон да Микон;
а он что мне?"

– "Что ж ты трепещешь и грудью ко мне
прижимаешься? что так

Пламенно, что так неровно дышит она?
Послушай:

Если б (пошлюсь на бессмертных богов, я
того не желаю), -

Если б, гонясь за заблудшей овцою, Микон
очутился

Здесь вот, на берегу, – что бы ты сделала?" – "Я б? утопилась!"

– "Точно, и я б утопилась! Но отчего? что за странность?"

Разве хуже мы так? смотри, я плыву: не прекрасны ль

В золоте струй эти волны власов, эти нежные перси?

Вот и ты поплыла; вот ножка в воде забелелась,

Словно наш снег, украшение гор! А вся так бела ты!

Шея же, руки – взгляди, скажешь – из кости слоновой

Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил с избытком

Сладко-пленяющей жизнью. Дафна, чего ж мы стыдимся!"

"Друг Ликориса, не знаю; но знаю: стыдиться прекрасно!"

– "Правда; но все непонятного много тут скрыто! Подумай:

Что же мужчины такое? не точно ль как

мы, они люди?

То же творенье прекрасное дивного Зевса-Кронида,

Как же мужчин мы стыдимся, с другим же, нам чуждым созданием,

С лебедем шутим свободно: то длинную шею лаская,

Клёв его клоним к устам и целуем; то с нежностью треплем

Белые крылья и персями жмемся ко груди пуховой.

Нет ли во взоре их силы ужасной, Медузиной силы,

В камень нас обращающей? что ты мне скажешь?" – "Не знаю!

Только Ледой и я была бы охотно! и так же Друга ласкать и лобзать не устала б в сем образе скромном,

В сей красоте белизны ослепительной! Дерзкого ж, боги

(Кто бы он ни был), молю, обратите рога-тым оленем,

Словно ловца Актеона, жертву Дианина гнева!

Ах, Ликориса, рога!" – "Что рога?" – "Рога за

кустами!"

– "Дафна, Миконов сатир!" – "Уплывем, уплывем!" – "Все он слышал,

Все он расскажет Микону! бедные мы!" –
"Мы погибли!"

Так, осторожный, как юноша пылкий, я
разговор их

Кончил внезапно! и все был доволен: Даф-
на, ты видишь,

Любит тебя, и невинная доли прекрасной
достойна:

Сердцем Микона владеть на земли и в оби-
телях Орка!

Что ж ты не плачешь по-прежнему, взрос-
лый ребенок! Сатира

Старого, видно, слушать полезно? Поди же
в шалаш свой!

Сладким веленьям Морфея покорствуй!
Эрот не оставит

Дела прекрасного! Верь мне, спокойся: он
кончит, как начал".

17. К ЛИЛЕТЕ

Лилета, пусть ветер свистит и кверху мете-
лица вьется,

Внимая боренью стихий, и в бурю мы
счастливы будем,

И в бурю мы можем любить! Ты знаешь, во
мрачном Хаосе

Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волнении морей, когда грома
сражались с громами,

И тьма устремлялась на тьму, и белая пена
кипела, -

Явилась богиня любви, в коральной плывя
колеснице,

И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в весе-
лый время.

Бушуйте, о чада зимы, осыпайтесь, желтые
листья!

Но мы еще только цветом, но мы еще жить

начинаем

В объятиях нежной любви.

И радостно сбросим с себя мы юности крас-
ну одежду,

И старости тихой дадим дрожащую руку с
клюкою,

И скажем: о старость, веди насладиться
любовью в том мире,

Уж мы насладились здесь.

18. К ДОРИДЕ

Дорида, Дорида! любовью все дышит,
 Все пьет наслажденье с притекшей весной:
 ной:

Чуть *зефир*, струясь, березу колышет,
 И с берега лебедь понесся волной
 К зовущей подруге на остров пустынный,
 Над розой трепещет золотой мотылек,
 И в гулкой долине любовью невинной
 Протяжно вздыхает пастуший рожок.
 Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
 Мне платишь за слезы и муки любви!
 Вглядишь в мою бледность, в мой взор по-
 мраченный:

По ним ты узнаешь, как в юной крови
 Свирепая ревность томит и сжигает!
 Не внемлет... и в плясках, смеясь надо
 мной.

Назло мне красою подруг затемняет
 И узников гордо ведет за собой.

1815

19. ХОР

ИЗ КОЛИНОВОЙ ТРАГЕДИИ "ПО- ЛИКСЕНА"

Гелиос, Гелиос!

Там, с беспредельности моря

Снова подьемлешь главу

В блеске лучей.

Горе мне, горе!

Снова я плачу

В сретенье бога!

Через пучину -

С тяжкими вздохами

Слышишь мои ты стенания!

Смолкните, смолкните

Вы, растерзанной груди

Муки жестокие!

Пленнице мне

Горе, горе!

Скоро укажет мне

Грозной рукою грек,
Скоро сокроется
Берег священный отечества!
Троя! Троя!
Ты не элинами
Ринута в прах,
"Гибель, гибель!" -
Было грозных бессмертных
Вечное слово.
Пала – отгрянул Восток,
Запад содр_о_гнулся,
Троя! Троя!
Феба любимица,
Мать воителей,
Жизнью кипевшая!
Ныне – пустыня, уголь, прах,
Ныне – гроб!
Плачьте, о пленницы!
Ваших супругов гроб,
Ваших детей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!
Рок ваш: плакать, плакать,
К долу прилечь,
Умереть!

1819 или 1820

20. НАДПИСЬ НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИЙСКОГО МЕРКУРИЯ

Перст указывает на даль, на главе разв_и_ли-
ся крылья,

Дышит свободою грудь, с легкостью див-
ною он,

В землю ударя крылатой ногой, кидается в
воздух...

Миг – и умчится! Таков полный восторга
певец.

1819 или 1820

21. К АМУРУ

(Из Геснера)
Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
Не каждое ли утро
С тех пор венок душистый
Носил тебе как жертву?
А было все напрасно!
Уж сыплются метели
По обнаженным ветвям, -
Она ж ко мне сурова, -
Как и в начале мая.
Между 1814 и 1817

22. ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных
платанов,

Первые чувства познали любви и, полные счастья,

Острым кремнем на коре сих деревьев имена начертали:

Титир – Зои, а Титира – Зоя, богу Эроту Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость

К двум заветным платанам они прибрели и видят

Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослись.

Нимфы деревьев сих, тайною силой имен сочетавшись,

Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;

Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

23. ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Все мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть – очи и уста,
И лобзания живые.
И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.
И я утром золотым
Молвлю персям молодым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине -
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.
Я твержу по вечерам

Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!
Ночью сплю ли я, не сплю -
Все устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, -
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

24. РОМАНС

Вчера вакхических друзей
Я посетил кружок веселый;
Взошел – и слышу: "Здравствуй, пей!"
– "Нет, – молвил я с тоской тяжелой, -
Не пить, беспечные друзья,
Пришел к вам друг ваш одичалый:
Хочу на миг забыться я,
От жизни и любви усталый.
Стучите чашами громчей;
Дружней гетер и Вакха пойте!
Волнение души моей
Хоть на минуту успокойте!
Мне помогите освежить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напевом радости застольной".

25. ЖАЛОБА

Воспламенить вас – труд напрасный,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богам;
Но вместе с прелестью опасной
Они холодность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.
1822 или 1823

26. РОМАНС

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.
Свежих трав не щипал конь его унылый,
"Конь мой, конь, верный конь, понесемся к
милой!

Не к добру грудь моя тяжело вздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;
Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к
милой!"

Конь вздрогнул, и сильней витязь возму-
тился,

В милый край, в страшный край как стре-
ла пустился.

Ночь прошла, все светло: виден храм с дуб-
ровой,

Конь заржал, конь взвился над могилой
новой.

1821 или 1822

27. СОН

"**М**ой суженый, мой ряженный,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе,
Забыла стыд девический!
Не волком я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злым врагом утрачена:
По засекам гуляючи,
Я обошла лесничего
Косматого, рогатого;
Я сбилася с тропы с пути,
С тропы с пути, с дороженьки
И встретила я с ведьмою,
С заклятою завистницей
Красы моей – любви твоей.
Мой суженый, мой ряженный,
Я в вещем сне в последнее
К тебе пришла: спаси меня!
С зарей проснись, росой всплеснись,
С крестом в руке пойди к реке,

Благословясь, пустился вплавь,
И к берегу заволжскому
Тебя волна прибьет сама.
На всей красе на берегу
Растет, цветет шиповничек:
В шиповничке – душа моя;
Тоска – шипы, любовь – цветы,
Из слез моих роса на них.
Росу сberi, цветы сорви,
И буду я опять твоя".
– Обманчив сон, не вещей он!
По гроб грустить мне, молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волге брод – саженный лед,
По берегу ж заволжскому
Метет, гудет метелица!

28. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.
К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.
Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальний,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

29. НА СМЕРТЬ***

(Сельская элегия)

Я знал ее: она была душою
Прелестней своего прекрасного лица.
Умом живым, мечтательной тоскою,
Как бы предчувствием столь раннего конца,
Любовию к родным и к нам желаньем счастья,
Всею милая, она несчастлива была,
И, как весенний цвет, расцветший в дни ненастья,
Она внезапно отцвела.
И кто ж? любовь ей сердце отравила!
Она неверного прищельца полюбила:
На миг ее пленяся красотой,
Он кинулся в объятия другой
И навсегда ушел из нашего селенья.
Что, что ужаснее любви без разделенья,
Простой, доверчивой любви!

Несчастливая в душе страдания свои
Сокрыла, их самой сестре не поверяла,
И грусть безмолвная и жаждущая слез,
Как червь цветочный, поедала
Ее красу и цвет ланитных роз!
Как часто гроб она отцовский посещала!
Как часто, видел я, она сидела там
С улыбкой, без слезы роптанья на реснице,
Как восседит Терпенье на гробнице
И улыбается бедам.
1821 или 1822

30. ВДОХНОВЕНИЕ

(Сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.
В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.
И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,

Он говорит с грядущими веками;
Он ставит честь превыше всех честей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

31. СОНЕТ

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже нет
Во мне родят любовь и безнадежность.
На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!
Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость,
Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

32. Н. М. ЯЗЫКОВУ

(Сонет)

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с каменной сладкогласной.
От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовью пристрастной.
Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье
И за себя богов благословил.
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

1822

33. С. Д. П<ОНОМАРЕВ>ОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ КНИГИ "ВОСПОМИ-
НАНИЕ ОБ ИСПАНИИ".

СОЧ. БУЛГАРИНА

(Сонет)

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.
Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.
Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье,
Устам коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк власов,

И всю тебя одел в очарованье!

34. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?
Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповедать тайну!
Не слышали ль злые люди
Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди

У отца родного;
Не спросили ль сопостаты
У твоей родимой:
"Чей у ней на ручке перстень?
Чья в повязке лента,
Лента, ленточка цветная,
С золотой каймою;
Перстень с чернью расписною,
С чистым изумрудом?"
Не томи, открой причину
Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
Легче растосуем.

35. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Все темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка

Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там, глубоко
На сердце -
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться; -
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец, -
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

36. ДОМИК

За далью туманной,
За дикой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода -
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где, струйкой игривой,
Сверкая, бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный, -
С заботой привычной

Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.

37. ЦЕФИЗ

(Идиллия)

И. А. Б«аратынск»ому

Мы еще молоды, Лидий! вокруг шеи кудри
виются;

Рдеют, как яблоко, щеки, и свежие губы
алеют

В быстрые дни молодых поцелуев. Но, скоро
ль, не скоро ль,

Все ж мы, пастух, состареемся, все ж подур-
неем; а Дафна,

Эта шалунья, насмешница, вдруг подрас-
тет и, как роза,

Вешним утром расцветшая, нас ослепит
красотою.

Поздно тогда к ней ласкаться, поздно и
тщетно! вертушка

Вряд поцелует седых – и, локтем подругу
толкая,

Скажет с насмешкою: "Взглянь, вот бабуш-

кин милый любовник!

Как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!

Голос его соловьиный, а взор его прямо орлиный!"

– "Смейся, – мы скажем ей, – смейся! И мы насмеялись, бывало!

Здесь проходчиво все – одна непроходчива дружба!"

"Здравствуй, здравствуй, Филинт! Давно мы с тобой не видались!

Век не забуду я дня, который тебя возвратил мне,

Мой добродетельный старец! милый друг, твои кудри

Старость не скупое осыпала снегом! Приди же к Цефизу;

Здесь отдохни под прохладой теней: тебя ожидают

Сочный в саду виноград и плодами, румяная груша!"

Так Цефиз говорил с младенчества милому другу,

Старца обнял, затвор отшатнул и ввел его в садик.

С груши одной Филинт плоды вкушал и хвалил их,

И Цефиз ему весело молвил: "Приятель, отныне

Дерево это твое; а я от холодной метели Буду прилежно его укутывать теплой соломой.

Пусть оно для тебя и цветет, и плодом богатеет!"

Но – не Филинту оно и цвело, и плодом богатело:

В ту же осень он умер. Цефиз молил Жизнедавца

Так же мирно уснуть, хоть и бедным, но добрым. Под грушей

Старца он схоронил и холм увенчал кипарисом.

Часто слышал он, когда простирала луна от деревье;

Влажные, долгие тени, священное листьев шептанье;

Часто из гроба таинственный глас исходил – казалось!

Был благодарности глас он. И небо давало Цефизу

Много с тех пор и груш благовонных, и
гроздий прозрачных.

Между 1814 и 1817

38. ДИФИРАМБ

(На приезд трех друзей)
О, радость, радость, я жизнью бываю

Снова дышу!

Трепещет лира:

В струнах позабытых

Я звуков согласных,

Я звуков живительных

В восторге ищу.

Гремит, как прежде, подруга бессмертная;

Други, ко мне!

Опять доступен

Я смехам и песням,

И чаше, венчанной

Минутными розами,

И сладкой любви.

Пришли три гостя в обитель поэтову

С дальних сторон:

От финнов бледных,

Ледяноволосых;

От Рейна-старца;

От моря сыпучего

Азийских песков.

Три гостя, с детства товарищи, спутники,

Братья мои!

За мной ко храму!

Я, плющем венчанный,

При гимнах священных

Кастору и Поллуксу

Хвалу воспою.

Август 1821

39. МЫ

Бедные мы! что наш ум? – сквозь туман оза-
бряющий факел

Бурей гонимый наш челн по морю бед-
ствий и слез;

Счастье наше в неведеньи жалком, в меч-
тах и безумстве:

Свечку хватает дитя, юноша ищет любви.

40. УТЕШЕНИЕ

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расставаясь с миром,
Злобу людей и судьбы сердцем прости и забудь.

К солнцу в последнее взор обрати, как Руссо, и утешься:

В тернах заснувшие здесь в миртах пробудятся там.

1826 или 1827

41. К ПТИЧКЕ, ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летунье сладкогласной,
Дарю свободу я. – Лети!
И я равно счастливой долей
От милой наделен моей:

Как ей обязана ты волей,
Так я неволю своей.

42. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.
Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце – ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется -
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые -
Только взглянут и успокоятся.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?

Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?
Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке:
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

43. РОЗА

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Всем ты красавица, роза цветов!
Вейся, плетися с лилеей и ландышем,
Вейся, плетися в мой пышный венок.
Нынче я встречу красавицу девицу,
Нынче я встречу пастушку мою:
"Здравствуй, красавица, красная девица!"
Ах!.. и промолвлюся, молвлю: люблю!
Вдруг зарумянится красная девица,
Вспыхнет младая, как роза цветок.
Взглянь в ручеечек, пастушка стыдливая,
Взглянь: пред тобою ничто мой венок!
1822 или 1823

44. РОМАНС

Только узнал я тебя -
И трепетом сладким впервые
Сердце забилося во мне.

Сжала ты руку мою -
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.
Ты мне сказала "люблю" -
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.
Молча гляжу на тебя -
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.
Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

45. ДРУЗЬЯ

(Идиллия)

Е. А. Баратынскому

Вечер осенний сходил на Аркадию. – Юноши, старцы,

Резвые дети и девы прекрасные, с раннего утра

Жавшие сок виноградный из гроздий золотых, благовонных.

Все собралися вокруг двух старцев, друзей знаменитых.

Славны вы были, друзья Палемон и Дамет! счастливцы!

Знали про вас и в Сицилии дальней, средь моря цветущей;

Там, на пастушьих боях хорошо искусившийся в песнях

Часто противников дерзких сражал неответным вопросом:

Кто Палемона с Даметом славнее по друж-

бе примерной?

Кто их славнее по чудному дару испыты-
вать вина?

Так и теперь перед ними, под тенью ветви-
стых платанов,

В чашах резных и глубоких вино молодое
стояло,

Брали они по порядку каждую чашу – и
молча

К свету смотрели на цвет, обоняли и дума-
ли долго,

Пили и суд непреложный вместе вино из-
рекали:

Это пить молодое, а это на долгие годы

Впрок положить, чтобы внуки, когда соиз-
волит Крон_и_он

Век их счастливо продлить, под старость,
за трапезой шумной,

Пивши, хвалилися им, рассказам при-
шельца внимая.

Только ж над винами суд два старца, два
друга скончали,

Вакх, языков разрешитель, сидел уж близь
них и, незримый,

К дружеской тихой беседе настроил седого

Дамета:

"Друг Палемон, – с улыбкою старец про-
молвил, – дай руку!

Вспомни, старик, еще я говаривал, юно-
шей бывши:

Здесь проходчиво все, одна не проходчива
дружба!

Что же, слово мое не сбылось ли? как дума-
ешь, милый?

Что, кроме дружбы, в душе сохранил ты? –
Но я не жалею,

Вот Геркулес! не жалею о том, что прошло;
твоей дружбой

Сердце довольно вполне, и веду я не к это-
му слово.

Нет, но хочу я, – кто знает? мы стары! – хо-
чу я, быть может,

Ныне впоследствии, все рассказать, что от са-
мого детства

В сердце ношу, о чем много говаривал,
небо за что я

Рано и поздно молил; Палемон, о чем буду
с тобою

Часто беседовать даже за Стиксом и Летою
туманной.

Как мне счастливым не быть, Палемона
другом имея?

Матери наши, как мы, друг друга с детства
любили,

Вместе познали любовь к двум юношам
милым и дружным,

Вместе плоды понесли Гименея; друг дру-
гу, младые,

Новые тайны вверяя, священный обет по-
ложили:

Если боги мольбы их услышат, пошлют од-
ной дочь,

Сына другой, то сердца их, невинных,
невинной любовью

Крепко связать и молить Гименея и бога
Эрота,

Да уподобят их жизнь двум источникам,
вместе текущим,

Иль виноградной лозе и сошке прямой и
высокой.

Верной опорой служит одна, украшеньем
другая;

Если ж две дочери или два сына родятся,
весь пламень

Дружбы своей перелить в их младые,

невинные души.

Мы родил_и_ся: нами матери часто менялись,

Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;

Впили мы дружбу, и первое, что лишь запомнил я, – ты был;

С первым чувством во мне развилася любовь к Палемону.

Выросли мы – и в жизни много опытов тяжких

Боги на нас посылали, мы дружбою все усладили.

Скор и пылок я смолоду был, меня все поражало,

Все увлекало, – ты кроток, тих и с терпеньем чудесным,

Свойственным только богам, милосердным к Япетовым детям.

Часто тебя оскорблял я, – смиренно сносил ты, мне даже,

Мне не давая заметить, что я поразил твое сердце.

Помню, как ныне, прощенья просил я и плакал, ты ж, друг мой,

Вдвое рыдал моего, и, крепко меня обни-
мая,

Ты виноватым казался, не я. – Вот каков ты
душою!

Ежели все меня любят, любят меня по тебе
же:

Ты сокрывал мои слабости; малое доброе
дело

Ты выставлял и хвалил; ты был все для ме-
ня, и с тобою

Долгая жизнь пролетела, как вечер весе-
лый в рассказах,

Счастлив я был! не боюсь умереть! пред-
чувствует сердце -

Мы ненадолго расстанемся: скоро мы бу-
дем, обнявшись,

Вместе гулять по садам Елисейским, и, с
новою тенью

Встретясь, мы спросим: "Что на земле? все
так ли, как прежде?"

Други так ли там любят, как в старые годы
любили?"

Что же услышим в ответ: по-старому роди-
на наша

С новой весною цветет и под осень плода-

ми пестреет,

Но друзей уже нет, подобных бывалым;
нередко

Слушал я, старцы, за полною чашей весе-
лые речи:

"Это вино дорогое! – Его молодое хвалили

Славные друзья, Дамет с Палемоном; про-
шли, пролетели

Те времена! Хоть ищи, не найдешь здесь
людей, им подобных,

Славных и дружбой, и даром чудесным ис-
пытывать вина".

46. МУЗАМ

С благоговейною душой
Поэт, упавши на колены,
И фимиамом и мольбой
Вас призывает, о камены,
В свой домик низкий и простой!
Придите, девы, воскресить
В нем прежний пламень вдохновений
И лиру к звукам пробудить:
Друг ваш и друг его Евгений
Да будет глас ее хвалить.
Когда ж весна до вечных льдов
Прогонит вьюги и морозы -
На ваш алтарь, красу цветов,
Положит первые он розы
При пеньи радостных стихов.

47. ЭПИГРАММА

Свиток истлевший с трудом развернули. На-
спрасны усилья:

В старом свитке прочли книгу, известную
всем.

Юноша! к Лиде ласкаясь, ты старого тоже
добьешься:

Лида подчас и тебе вымолвит слово: люб-
лю.

1826 или 1827

48. СМЕРТЬ

Мы не смерти боимся, но с телом расстать-
ся нам жалко:

Так не с охотою мы старый сменяем халат.

1826 или 1827

49. В АЛЬБОМ

О, сила чудной красоты!
К любви по опыту холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество – но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

50. РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день -
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень -
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.
Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, – и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

51. РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.
Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.
За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?
Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

52. ЭПИТАФИЯ

Что жизнь его была? тяжелый сон.
Что смерть? от грез ужасных пробужде-
нье

Впросонках улыбнулся он -
И снова, может быть, там начал сновиде-
нье.

Между 1814 и 1817

53. ВАКХ

Прощай, Киприда, бог с тобою!
С фиалом счастлив я:
Двоих дружишь ты меж собою,
А Вакхом все друзья.

54. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка, девушка!
Полюби меня, молодца,
Полюбя, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе, -
Сиротинушке, девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставеньки;
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

55. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой.
Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна -
Под окошком все так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.
То веселье – не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.
И я выду во широкие поля -
С них ли негой так и веет на тебя;
Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,
Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать;
Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
К изголовью правой щечкою прижмусь

И горячими слезами обольюсь.
Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,
Так и слезы не свежат меня, молодой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

56. ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом, и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отбился от матери, -
Тот в советах не мудрствует; на стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым.
Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.
Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия,
Удивленной толпы горят пламенем.
И Паллада туманное облако
Рассеивает от взоров – и в юности
Он уж видит священную истину

И порок, исподлобья взирающий!
Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

57. ХАТА

Скрой меня, бурная ночь! заметай следы
мои, вьюга,

Ветер холодный, бушуй вокруг хаты Лилеты
прекрасной,

Месяц свети не свети, а дорогу наверно лю-
бовник

К робкой подруге найдет.

Тихо, дверь, отворись! о Лилета, твой ми-
лый с тобою,

Нежной, лилейной рукой ты к сердцу его
прижимаешь;

Что же с перстом на устах, боязливая,
смотришь на друга?

Или твой Аргус не спит?

Бог-утешитель, Морфей, будь хранителем
тайн Амура!

Сны, готовые нас разлучить до скучного
утра,

Роем тяжелым скорей опуститесь на хлад-

ное ложе

Аргуса милой моей.

Нам ли страшиться любви! счастливец,
мой поцелуй

Сладко *ее* усыпят под шумом порывистым
ветра;

Тихо пробудит *ее* с предвестницей юного
утра

Пламенный мой поцелуй!

58. РОМАНС

"Сегодня я с вами пирую, друзья,
Веселье нам песни заводит,
А завтра, быть может, там буду и я,
Откуда никто не приходит!" -
Я так беззаботным друзьям говорил
Давно, – но от самого детства
Печаль в беспокойном я сердце таил
Предвестьем грядущего бедства.
Друзья мне смеялись и, свежий венец
На кудри мои надевая,
"Стыдись, – восклицали, – мечтатель-пе-
вец!

Изменит ли жизнь молодая!"
Война запылала, к родным знаменам
Друзья, как на пир, полетели;
Я с ними – но жребьи, враждебные нам,
Мне с ними расстаться велели.
В бездействии тяжком я думой следил
Их битвы, предтечи победы;

Их славою часто я первый живил
Родителей грустных беседы.
Года пролетали, я часто в слезах
Был черной повязкой украшен...
Брань стихла, где ж други? лежат на полях,
Близь ими разрушенных башен.
С тех пор я печально сажу на пирах,
Где все мне твердит про былое;
Дрожит моя чаша в ослабших руках:
Мне тяжело веселье чужое.

1820 или 1821

59. К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!

Принеси же осторожно
И скорей из погребов
В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.
Не забудь края золотые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенья
И в былое заглянуть.
Между 1814 и 1819

60. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,

Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет -
Наш бор, поток и поле.
К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю -
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!
Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.
И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.
Куда пойду – и он за мной.
На долгую ль разлуку? -
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.
"Что хочешь ты? – спросила я. -
Скажи, пастух унылый".
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.
И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,

На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.
Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

61. ПЕСНЯ

"Дедушка! – девицы
Раз мне говорили. -
Нет ли небылицы
Иль старинной были?"
– "Как не быть! – уныло
Красным отвечал я. -
Сердце вас любило, -
Так чего не знал я!
Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!
Уж они – старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.
Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали

Дни мои и ночи".

"Дедушка, – толпою
Девицы вскричали, -

Жаль нам, а тобою

Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,

Вот над кем шутили!

Нет, мы не такие,

Мы б тебя любили!"

– "Вы б любили? сказки!

Веры мне нейметя!

И на ваши ласки

Дедушка смеется".

62. К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,

Где, прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник, -

Там позабудем на время заботы мирские и Вакху

Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!

В честь вечно юному Вакху осушим мыдно золотое;

В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны, -

Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать престарелого Хрона,

Просит, молит его – не внимая, он далее мчится;

Маленький только Эрот смеется, поет и, се-

дого

За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною
славой гоняться

Вечно в трудах только жить, не видеть ве-
селий до гроба? -

Боги для счастья нам и веселия дни даро-
вали,

Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни
веселью,

Прыгай под звонкую флейту, сплетяся ру-
ками, кружися,

И твоя жизнь протечет, как быстро в зеле-
ной долине

Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гор-
дым пританам.

Пусть за слепою богиней Лициний гоняет-
ся вечно,

Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразя-
щей

Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе
не прикупим:

Всех на одной ладие, и бедного Ира и Кре-
за,

В мрачное царство Плутона, чрез волны
ужасного Стикса

Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесис-
той рощи,

Где, прохлажденный в тени, сверкая, стре-
мится источник, -

Там позабудем на время заботы мирские и
Вакху

Вечера час посвятим.

63. ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, -
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!
Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько доли и леса
И милый взгляд забыл, -
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!
Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине

Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного "люблю"
Не повторяйте ей!
1821 или 1822

64. КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(Идиллия)

Путешественник

Нет, не в Аркадии я! Пастуха заунывную
песню

Слышать бы должно в Египте иль Азии
Средней, где рабство

Грустною песней привыкло существован-
ность тяжкую тешить.

Нет, я не в области Реи! о боги веселья и
счастья!

Может ли в сердце, исполненном вами,
найти начало

Звуку единому скорби мятежной, крику
напасти?

Где же и как ты, аркадский пастух, воспе-
вать научился

Песню, противную вашим богам, посылающим радость?

Пастух

Песню, противную нашим богам!

Путешественник, прав ты!

Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливых:

Я еще помню оное светлое время! но счастье

(После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный.

Песню же эту я выучил здесь, а с нею впервые

Мы услышали и голос несчастья, и, бедные дети,

Думали мы, от него земля развалится и солнце,

Светлое солнце погаснет! Так первое горе ужасно!

Путешественник

Боги, так вот где в последнее счастье у смертных гостило!

Здесь его след не пропал еще. Старец, пастух сей печальный,

Был на проводах гостя, которого тщетно

искал я

В дивной Колхиде, в странах атлантидов,
гипербореев,

Даже у края земли, где обильное розами
лето

Кратче зимы африканской, где солнце с
весною проглянет,

С осенью в море уходит, где люди на тем-
ную зиму

Сном непробудным, в звериных укрыв-
шись мехах, засыпают.

Чем же, скажи мне, пастух, вы прогневали
бога Зевеса?

Горе раздел улаживает; поведай мне горь-
кую повесть

Песни твоей заунывной! Несчастье меня
научило

Живо несчастьем других сострадать. Жесто-
кие люди

С детства гонят меня далеко от родимого
града.

Пастух

Вечная ночь поглотит города! Из вашего
града

Вышла беда и на бедную нашу Аркадию!

сядем

Здесь, на сем берегу, против платана, которого ветви

Долгою тенью кроют реку и до нас достают. -

Слушай же, песня моя тебе показалась унылой?

Путешественник

Грустной, как ночь!

Пастух

А ее Амарилла прекрасная пела.

Юноша, к нам приходивший из города, эту песню

Выучил петь Амариллу, и мы, незнакомые с горем,

Звукам незнаемым весело, сладко внимали. И кто бы

Сладко и весело ей не внимал? Амарилла, пастушка

Пышноволодая, стройная, счастье родителей старых,

Радость подружек, любовь пастухов, была удивленья

Редкое Зевса творение, чудная дева, которой

Зависть не смела коснуться и злоба, за-
жмурясь, бежала.

Сами пастушки с ней не равнялись и ей
уступали

Первое место с прекраснейшим юношей в
плясках вечерних.

Но хариты-богини живут с красотой нераз-
лучно -

И Амарилла всегда отклонялась от чести
излишней.

Скромность взамен предпочтенья любовь
ото всех получала.

Старцы от радости плакали, ею любясь,
покорно

Юноши ждали, кого Амарилла сердцем за-
метит?

Кто из прекрасных, младых пастухов назо-
вется счастливецем?

Выбор упал не на них! Клянуся богом Эро-
том,

Юноша, к нам приходивший из города,
нежный Мелетий,

Сладкоречивый, как Эрмий, был Фебу кра-
сою подобен,

Голосом Пана искусней! Его полюбила пас-

тушка.

Мы не роптали! мы не винили ее! мы в забвеньи

Даже думали, глядя на них: "Вот Арей и Киприда

Ходят по нашим полям и холмам; он в шлеме блестящем,

В мантии пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,

Сжатой камнем драгим на плече белоснежном. Она же

В легкой одежде пастушки простой, но не кровь, а бессмертье,

Видно, не менее в ней протекает по членам нетленным"

Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас, что душой он коварен,

Что в городах и образ прекрасный и клятвы преступны.

Я был младенцем тогда. Бывало, обнявши руками

Белые, нежные ноги Мелетия, смирно сижу я,

Слушая клятвы его Амарилле, ужасные клятвы

Всеми богами: любить Амариллу одну и с нею

Жить неразлучно у наших ручьев и на наших долинах.

Клятвам свидетелем я был; Эровым сладостным тайнам

Гамадриады присутственны были. Но что ж? и весны он

С нею не прожил, ушел невозвратно! Сердце простое

Черной измены постичь не умело. Его Амарилла

День, и другой, и третий ждет – все напрасно! О всем ей

Грустные мысли приходят, кроме измены: не вепрь ли,

Как Адониса его растерзал; не ранен ли в споре

Он за игру, всех ловче тяжелые круги метая?

"В городе, слышала я, обитают болезни! он болен!"

Утром четвертым вскричала она, обливаясь слезами:

"В город к нему побежим, мой младенец!"

И сильно схватила
Руку мою и рванула, и с ней мы как вихрь
побежали.

Я не успел, мне казалось,дохнуть, и уж го-
род пред нами

Каменный, многообразный, с садами, стол-
пами открылся:

Так облака перед завтрешней бурей на
небе вечернем

Разные виды с отливами красок чудесных
приемлют.

Дива такого я и не видывал! Но удивленью
Было не время. Мы в город вбежали, и
громкое пенье

Нас поразило – мы стали. Видим: толпой
перед нами

Стройные жены проходят в белых как снег
покрывалах.

Зеркало, чаши златые, ларцы из кости сло-
новой

Женщины чинно за ними несут. А младые
рабыни

Резвые, громкоголосые, с персей по пояс
нагие,

Около блещут очами лукавыми в пляске

веселой,

Скачут, кто с бубном, кто с тирсом, одна ж
головою кудрявой

Длинную вазу несет и под песню тарелка-
ми плещет.

Ах, путешественник добрый, что нам ра-
быни сказали!

Стройные жены вели из купальни младую
супругу

Злого Мелетия. – Сгибли желанья, исчезли
надежды!

Долго в толпу Амарилла смотрела и вдруг,
зашатавшись,

Пала. Холод в руках и ногах и грудь без ды-
ханья!

Слабый ребенок, не знал я, что делать. От
мысли ужасной

(Страшной и ныне вспомнить), что более
нет Амариллы, -

Я не плакал, а чувствовал: слезы, сгустив-
шиеся в камень,

Жали внутри мне глаза и горячую голову
гнули.

Но еще жизнь в Амарилле, к несчастью ее,
пламенела:

Грудь у нее поднялась и забила, лицо загорелось

Темным румянцем, глаза, на меня проглянув, помутились.

Вот и вскочила, вот побежала из города, будто

Гнали ее эвмениды, суровые девы Айдеса!

Был ли, младенец, я в силах догнать злополучную деву!

Нет... Я нашел уж ее в сей роще, за этой речкою,

Где искони возвышается жертвенник богу Эроту,

Где для священных венков и цветник разведен благовонный

(Встарь, четою счастливой!) и где ты не раз, Амарилла,

С верою сердца невинного, клятвам преступным внимала.

Зевс милосердый! с визгом каким и с какою улыбкой

В роще сей песню она выводила! сколько с корнями

Разных цветов в цветнике нарвала и как быстро плела их!

Скоро странный наряд изготовила. Целые ветви,

Розами пышно облитые, словно роги торчали

Дико из вязей венка многоцветного, чуднобольшого;

Плющ же широкий цепями с венка по плечам и по персям

Длинный спадал и, шумя, по земле волочился за нею.

Так разодетая, важно, с поступью Иры-богини,

К хижинам нашим пошла Амарилла. Приходит, и что же?

Мать и отец ее не узнали; запела, и в старых

Трепетом новым забились сердца, предвестелем горя.

Смолкла – и в хижину с хохотом диким вбежала, и с видом

Грустным стала просить удивленную мать: "Родная,

Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастл_и_ва, счастл_и_ва!"

Мать и отец, не поняв, но услышав ее, за-

рыдали.

"Разве была ты когда несчастлива, дитя дорогое?" -

Дряхлая мать, с напряжением слезы уняв, спросила.

"Друг мой здоров! Я невеста! Из города пышного выйдут

Стройные жены, резвые девы навстречу невесте!

Там, где он молвил впервые *люблю* Амарилле-пастушке,

Там из-под тени заветного древа, счастливица, вскрикну:

Здесь я, здесь я! Вы, стройные жены, вы резвые девы!

Пойте: Гимен, Гименей! – и ведите невесту в купальню.

Что ж не поете вы, что ж вы не пляшете! Пойте, пляшите!"

Скорбные старцы, глядя на дочь, без движенья сидели,

Словно мрамор, обильно обрызганный хладной росой.

Если б не дочь, но иную пастушку привел Жизнедавец

Видеть и слышать такой, пораженной
небесною карой,

То и тогда б превратились злосчастные в
томностенящий,

Слезный источник – ныне ж, тихо склоня-
ся друг к другу,

Сном последним заснули они. Амарилла
запела,

Гордым взором наряд свой окинув, и к дре-
ву свиданья,

К древу любви изменившей пошла. Пасту-
хи и пастушки,

Песней ее привлеченные, весело, шумно
сбежались

С нежною ласкою к ней, ненаглядной, лю-
бимой подруге.

Но – наряд ее, голос и взгляд... Пастухи и
пастушки

Робко назад отшатнулись и молча в кусты
разбежались.

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда измени-
лась,

Наши ль глаза, в первый раз увидавшие
близко несчастье,

Мрачным туманом подернулись? Вечнозе-

ленные сени,

Воды кристальные, все красоты твои
страшно поблекли.

Дорого боги ценят дары свои! Нам уж не
видеть

Снова веселья! Если б и Рея с милостью
прежней

К нам возвратилась, все было б напрасно!
Веселье и счастье

Схожи с первой любовью. Смертный еди-
ножды в жизни

Может упиться их полною, девственной
сладостью! Знал ты

Счастье, любовь и веселье? Так понял, и
смолкнем об оном.

Страшно поющая дева стояла уже у платана,
на,

Плущ и цветы с наряда рвала и ими при-
лежно

Древо свое украшала. Когда же нагнулася с
берега,

Смело за прут молодой ухватившись, чтоб
цепью цветочной

Эту ветвь обвязать, до нас достающую те-
нью,

Прут, затрещав, обломился, и с берега она полетела

В волны несчастные. Нимфы ли вод, красоту сожалея

Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,

Кругом широким поверхность воды обхватив, не давало

Ей утонуть? не знаю, но долго, подобно надежде,

Зрима только по грудь, Амарилла стремленьем неслася,

Песню свою распевая, не чувствуя гибели близкой,

Словно во влаге рожденная древним отцом Океаном.

Грустную песню свою не окончив – она потонула.

Ах, путешественник, горько! ты плачешь! беги же отсюда!

В землях иных ищи ты веселья и счастья! Ужели

В мире их нет и от нас от последних их звали боги!

Примечание

Читатели заметят в конце сей идиллии близкое подражание Шекспирову описанию смерти Офелии. Сочинитель, благоговевя к поэтическому дару великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий.

65. ЭПИЛОГ

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Все искал душою я -
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.

Примечания

Настоящее издание сочинений А. А. Дельвига представляет читателю все стороны его творчества: стихи, незавершенные драматические и прозаические опыты, критические и полемические статьи и письма. До сего времени единственной попыткой собрать воедино наследие поэта были вышедшие девяносто лет назад "Сочинения барона А. А. Дельвига" под редакцией В. В. Майкова (СПб., 1893) (далее: Изд. 1893) – издание, не преследовавшее научных целей и к настоящему времени совершенно устаревшее. На современном научном уровне издано лишь поэтическое наследие Дельвига: в 1934 г. в большой серии "Библиотеки поэта" появилось полное собрание его стихотворений, подготовленное выдающимся советским текстологом и историком литературы Б. В. Томашевским; это издание (Изд. 1934), повторенное с некоторыми допол-

нениями в 1959 г. (Изд. 1959), дало критически установленный текст стихов Дельвига и является основой для всех последующих переизданий, в том числе и для настоящего.

Вслед за стихотворениями Дельвига Б. В. Томашевский предполагал издать и его прозу и письма, но не успел завершить эту работу. Он дал библиографию критических статей и писем, не вошедших в Изд. 1893, и описал сохранившиеся автографы Дельвига. История собирания писем поэта и оставшиеся до последнего времени неизданными письма сообщены в публикации Е. М. Хмелевской "Письма А. А. Дельвига" (ПК, с. 20-33).

Особую сложность представляет установление корпуса критических статей Дельвига. Почти все они были напечатаны анонимно (ЛГ, 1830-1831). Первую попытку выделить их из числа других анонимных статей сделал В. П. Гаевский, пользовавшийся рукописями Дельвига; в дальнейшем атрибутирование статей в ЛГ выросло в особую исследовательскую проблему, связанную прежде всего с определением анонимных статей Пушкина (работы А. А. Фомина, Н. О. Лернера и в осо-

бенности Б. В. Томашевского и В. В. Виноградова. – см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 218-220).

Все эти достижения и сложности современного состояния изучения Дельвига определили отбор и распределение материала в настоящем издании. В первом его разделе – "Стихотворения" – представлено полностью поэтическое наследие Дельвига. В первой части раздела мы воспроизводим единственный прижизненный сборник стихов Дельвига, подготовленный самим поэтом, сохраняя авторское расположение стихотворений. Все тексты (за исключением одного, N 23, где в стихе 18-м введена авторская поправка по печатному экземпляру ИРЛИ) печатаются по этому сборнику.

Вторая часть раздела – "Стихотворения, не вошедшие в сборник 1829 года" – включает ранние опыты, поздние стихи, написанные уже после выхода сборника, а также стихи, оставшиеся за его пределами по личным или цензурным причинам. Этот подраздел строится в хронологическом порядке. Источником текста в нем в ряде случаев оказывается

не первая журнальная публикация, а более поздняя редакция автографа (это в первую очередь касается ранней лирики). Обоснование источника текста, а также перечисление существующих автографов читатель должен искать в Изд. 1934 и Изд. 1959. Уже после выхода этих изданий в ЦГАЛИ поступила тетрадь с автографами Дельвига, сообщенными Б. В. Томашевскому Н. Ф. Бельчиковым (ф. 2657, оп. 2, N 40), и обнаружился ряд автографов в ИРЛИ, с неизвестным ранее "Посланием к А. Д. Илличевскому" (1815) (см.: Терехина Р. Е. Поступления в лицейское собрание пушкинского фонда. – Изв. ОЛЯ, серия лит. и языка, 1972, вып. 2, март – апрель, с. 176-184; шифр: ф. 244, оп. 25, N 379). Автограф "Стихов на рождение В. К. Кюхельбекера", находившийся в ЦГИА, ныне хранится в ЦГАОР – ф. 828 (А. М. Горчакова), оп. 1, N 98; в этом же фонде – копии нескольких ранних стихотворений. По Изд. 1934 печатаются лицейские стихи N 1-6, 8-9, 11, 16-17, 20-23, 25, 30-36, 37, 39-40, 42-43, 45-52; стихи 1817-1831 гг. N

55-56, 58-59, 61-64, 66-68, 70-71, 73-78, 81-82, 84, 86, 88-89, 92-93,

96-98, 121, 123, 125-132, 134; драматические и прозаические отрывки, коллективные стихи (N 4). Сверка текстов с автографами и печатными источниками позволила устранить некоторые неточности, вкравшиеся в особенности в Изд. 1959, работа над которым была прервана смертью Б. В. Томашевского. Ряд уточнений по рукописным источникам содержит также изд.: Дельвиг А. А. Стихотворения. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. В. Исакович. Л., 1963 (Б-ка поэта, Малая серия.)

В разделе "Статьи" – собраны рецензии и заметки, для которых авторство Дельвига устанавливается с полной достоверностью, на основании автографа или документальных свидетельств. Мелкие редакционные примечания и редакционные объявления, принадлежащие Дельвигу, в издание не вошли.

Вслед за статьями мы помещаем неболь-

шой раздел "Коллективное", куда входят четыре стихотворения, написанные Дельвигом вместе с Баратынским, Пушкиным и др., и две полемические статьи из "Литературной газеты", по свидетельству А. И. Дельвига, составленные вместе с Пушкиным.

Основной корпус книги заканчивается разделом "Письма". Эпистолярное наследие Дельвига – памятник очень высокой ценности – и в историческом, и в психологическом, и в литературном отношении; он содержит первостепенной важности сведения о культурной жизни пушкинской эпохи, сохраняет для нас неповторимые черты личности поэта и является заметным образцом эпистолярной прозы 1820-х гг. – того времени, когда достигает своего расцвета жанр литературного письма. Письма Дельвига – органическая часть его творческого наследия, между тем они практически остаются читателю недоступными: они рассеяны в специальных изданиях и многие из них, известные только в дореволюционных публикациях, никогда не печатались полностью; текст их искажен купюрами редакторского и цензурного происхождения. В

настоящем издании они собраны с возможной полнотой и публикуются или уточняются по автографам, хранящимся в ИРЛИ (письма Е. А. Баратынскому – N 21751 и ф. 93, оп. 3, N 425, письмо 1827 г.; К. М. Бороздину – ф. 244, оп. 25, N 247, 248; В. Д. Вольховскому – ф. 244, оп. 25, N 89; И. А. Гарижскому – ф. 58, N 36; в Главный цензурный комитет (2, 1826) – ф. 244, оп. 16, N 116; Н. И. Гнедичу – 91.1 с; В. И. Григоровичу – ф. 93, оп. 3, N 426, письмо 1826 г.; А. А. и Л. М. Дельвигам – N 26308; А. П. Елагинной-Киреевской – N 28559; Г. С. Карелину – ф. 93, оп. 3, N 428; В. Д. Карнильеву – N 26310; А. П. Керн – ф. 93, оп. 4, N 22; П. А. Осиповой – N 9017, ф. 244, оп. 17, N 73 (письмо 15 сентября 1826 г.); в Петербургский цензурный комитет (1829) – 93.1.6; П. А. Плетневу – N 26311; А. С. Пушкину – ф. 244, оп. 2, N 148; А. А. Рохмановой – N 26312; С. М. Салтыковой – N 26309; О. М. Сомову – ф. 244, оп. 25, N 248; С. С. Фролову – ф. 244, оп. 1, N 424; П. И. Шаликову – N 4773); ЦГАЛИ (П. А. Вяземскому – ф. 195, оп. I, N 1829, 5084; письмо N 104 – ф. 171, оп. I, N 7; В. К. Кюхельбекеру, N 5 – ф. 256, оп. 2, N 11; N 8 – ф. 2567, оп. 2, N 268; М. А. Максимовичу, N 99 – ф.

314, оп. 1, N 23; И. В. Сленину – ф. 171, оп. 1, N 10); ГПБ (Н. М. Коншину, ф. 369, N 31); А. Н. Оленину (Архив Публичной библиотеки); ГБЛ (М. П. Погодину, Пог./II, 46.17); ЦГИА (В Петербургский цензурный комитет, ф. 777, оп. I, N 287; в Главный цензурный комитет (1827) – ф. 777, оп. 1, N 608); ЛОИИ (Н. А. Полевому, кол. 238, оп, 2, N 272/287). Ряд автографов писем остается неразысканным. В приложениях к книге печатаются ранние редакции стихов, подвергшихся значительной переработке, а также набросок неосуществленной статьи о "Димитрии Самозванце" и прозаические планы идиллий (ранее не публиковавшиеся)

Научно-справочный аппарат сокращен с учетом специфики массового издания и содержит лишь сведения, необходимые для реального и историко-литературного понимания текста. В нем использованы (без специальной ссылки) данные изданий 1934, 1959 и 1963 гг., а также публикаторов и комментаторов данного текста; вместе с тем они учитывают и новейшие исследования о Дельвиге и его эпохе. В примечаниях непосредственно за порядковым номером произведения следует

указание на первую публикацию; повторные публикации указываются лишь тогда, когда содержат иную редакцию текста. Отсутствие указаний на источник текста (кроме случаев, оговоренных выше) означает, что таковым является первая публикация (уточнения, возникшие в результате сверки с источниками, не оговариваются).

Стихи Дельвига, как правило, не датированы автором (исключения оговорены в примечаниях); они датируются либо по месту автографа в тетради стихов (обоснование см. в Изд. 1934 и 1959), либо по реалиям, либо, наконец, по времени первой публикации. Дельвиг нередко печатал свои стихи много позднее написания, поэтому если первая публикация оказывается единственным основанием датировки, дата под стихотворением берется в ломаные скобки. Даты чтений стихов Дельвига в ОЛРС и ОЛСНХ устанавливаются по кн.: Базанов и архиву ОЛСНХ в Научной библиотеке им. М. Горького (ЛГУ). Сведения об упоминаемых в тексте исторических лицах см. в аннотированном именном указателе; о мифологических персонажах – в "Словаре".

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А Т – Архив братьев Тургеневых: Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, вып. 6. Пг., 1921.

Б – Благонамеренный.

Базанов – Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964.

Баратынский, 1869-Сочинения Е. А. Баратынского... М., 1869.

Барсуков – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1-22. СПб.,

1888-1910.

БЗ – Библиографические записки.

Блинова – Блинова Е. М. "Литературная газета" А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830-1831. Указатель содержания. М., 1966.

Боратынский, 1951 – Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951.

Вацуро – Вацуро В. Э. "Северные цветы": История альманаха Пушкина-Дельвига. М., 1978.

ВЕ – Вестник Европы.

Верховский – Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биографические и литературные... Пб., 1922.

Виноградов – Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.,

1961.

Врем. ПК – Временник Пушкинской комиссии, 1962-1981, М.; Л., 1963-1985.

Вяземский – Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. I-XII. СПб.,

1878-1896.

Г – Галатея.

Гаевский, 1-4-Гаевский В. П. Дельвиг. Статьи 1-4. – Современник, 1853, N 2, отд. III, с. 45-88; N 5, отд. III, с. 1-66; 1854, N 1, отд. III, с. 1-52; N 9, отд. III, с. 1-64.

Гастфрейнд – Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811 – 1817 гг., т. I-III. СПб., 1912-1913.

Гоголь – Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. I-XIV. М.,

1937-1952.

ГПБ – Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Греч – Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

А. И. Дельви́г – Дельви́г А. И. Мои воспоминания, т. 1-4. М., 1912-1913.

ИВ – Исторический вестник.

Изд. 1829 – Стихотворения барона Дельвига. СПб., 1829.

Изд. 1893. – Сочинения барона А. А. Дельвига. С приложением биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым. СПб., 1893.

Изд. 1934 – Дельви́г А. А. Полное собрание стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского. Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. Л., 1934. (Б-ка поэта, Большая серия).

Изд. 1959 – Дельви́г А. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. 2-е изд. Л., 1959. (Б-ка поэта, Большая серия.)

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

АН СССР.

КА – Красный архив.

Керн – Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М., 1974.

Кобеко – Кобеко Д. Ф. Имп. Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы. 1811 – 1843. СПб., 1911.

ЛГ – Литературная газета.

Лит. портф. – Литературные портфели, I. Время Пушкина. Пб., 1923.

ЛН – Литературное наследство.

МВ – Московский вестник.

Модзалевский – Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

МТ – Московский телеграф.

НЗ – Невский зритель.

НЛ – Новости литературы.

НС – Дельвиг. Неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб.,

1922.

ОА – Остафьевский архив кн. Вяземских /
Под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. I-V.
СПб., 1899-1913.

ОЗ – Отечественные записки.

ОЛРС – Вольное общество любителей российской словесности (Петербург).

ОЛРС при Моск. ун-те – Общество любителей российской словесности при Московском университете.

ОЛСНХ – Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (Петербург).

П. в восп. – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.,

1974.

П. в печ. – Синявский Н., Цявловский М.
П. Пушкин в печати: Хронолог, указ, произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.,

1938.

П. Врем. 1-6. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1-6. М; Л.,

1936-1941.

Переписка П. – Переписка А. С. Пушкина: В 2-х т. М., 1982.

ПЗ – Полярная звезда.

П. Иссл. и мат. – Пушкин: Исследования и материалы, т. I-XI. М.; Л.,

1956-1983.

Письма к Вяз. – Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1902.

ПК – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980.

ПЛ – Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811 – 1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911.

Полевой – Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX в. Л., 1934.

Поэты 1820-30-х гг., т. 1,2 – Поэты 1820-х – 1830-х гг., т. 1-2. Л.,

1972.

ПС – Пушкин и его современники: Материалы и исследования, вып. I-XXXIX. СПб., 1903-1930.

Пушкин – Пушкин. Полное собрание сочинений, Т. I-XVII. М.; Л.,

1937-1959.

РА – Русский архив.

РБ – Русский библиофил.

РЛ – Русская литература.

РМ – Российский музей.

РП – Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1919.

РС – Русская старина.

РЭ – Русская эпиграмма конца XVII – начала XX, вв. Л., 1975.

СВ – Виноградская А. [Керн А. П.] Отрывок из записок: Воспоминания о Пушкине, Дель-

виге и Глинке. – Семейные вечера (старший возраст), 1864, N 10, с. 679-683.

СМ – Северный Меркурий.

СН – Старина и новизна.

СО – Сын отечества.

СО и СА – Сын отечества и Северный архив.

Совр. – Современник.

СП – Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Общества любителей российской словесности).

СПб. вед. – Санкт-Петербургские ведомости.

СПч. – Северная пчела.

СЦ – Северные цветы.

Тынянов. Кюхельбекер – Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер. – В кн.: Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы, т. 1. Л., 1939.

Хетсо – Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo-Bergen-Tromso, 1973.

ЦГАЛИ – Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный гос. архив Октябрьской революции.

ЦГВИА – Центральный гос. Военно-исторический архив (Москва).

ЦС – Царское Село: Альманах на 1830

год/Издан Н. Коншиным и б(ароном) Розеном.
СПб., 1829.

ЯА – Языковский архив, вып. 1. Письма Н.
М. Языкова к родным за дерптский период его
жизни (1822-1829). СПб., 1913.

"СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА"

Эпиграф – из стих. И.-В. Гете "Певец" ("Der Sanger").

1. СП., 1824, ч. 25, кн. III, с. 246. Читано в ОЛРС 14 ноября 1821 г.

2. СЦ на 1828, с. 86, с датой: 1820 г. Ответ на послание Плетнева "Дельвигу" ("Дельвиг, где ты учился языку богов?..").

3. СЦ на 1826, с. 129.

4. СЦ на 1827, с. 339.

5. СЦ на 1828, с. 24; было вписано в альбом А. П. Керн.

6. СЦ на 1826, с. 55, с подп. "Д". В беловом автографе ГПБ – ф. 777, N 1618 озаглавлено: "Н. И. Гнедичу по отпечатании I песни "Илиады". "Омирова Илиада. Часть 1-я" вышла из печати 20 августа 1823 г. (ЦГИА, ф. 777, оп. 1,

N 370).

7. СЦ на 1826, с. 66. Написано на смерть С.

Д. Пономаревой (4 мая

1824).

8. СЦ на 1827, с. 329. В альбоме А. Н. Вульф с датой: 20 января 1826.

9. СЦ на 1826, с. 14. Адресат не установлен.

10. СЦ на 1825, с. 340. См. письмо N11. Романс этот Дельвиг любил петь в дружеском кругу.

11. СЦ на 1826, с. 127. В автографе назв. "Русская мелодия 6-я". Известна как романс с музыкой А. А. Алябьева ("Соловей").

12. СЦ на 1825, с. 296. В автографе назв. "Мелодия 5-я". Подражание народной песне "Цвети, цвети цветики, Да поблекли".

13. СЦ на 1826, с. 105, с подп. "Д". Читано в ОЛРС 13 марта 1822 г.

14. СЦ на 1828, с. 78. В автографе назв. "Наслаждение". Копии ранней ред. с назв. "Дифирамб" – в лицейских сборниках.

15. СЦ на 1828, с. 65, с примеч.: "Эта шутка была написана в угодность одной даме, которая желала, чтобы я сочинил на смерть ее собачки подражание известной оде Катулла "На

смерть воробья Лесбии", прекрасно переведенной Бостоновым". Один из автографов в альбоме С. Д. Пономаревой (ИРЛИ). Дама – С. Д. Пономарева; имя собачки – Мальвина (в автографе имена "Мальвина и София"). Образец – стих. А. Х. Востокова "На смерть воробья". Читано в ОЛРС 22 ноября 1821 г. ("На смерть собаки Мальвины").

16. СЦ на 1825, с. 346.

17. ВЕ, 1814, N 22, с. 97, с подп. "Д"; с изменениями – СП, 1820, N 1, с. 66, с подп. "Д". Читано в ОЛРС 19 января 1820 г.

18. РМ, 1815, N 3, с. 266, с назв. "Лилея" и подп. "Д", с изменениями – В., 1818, N 3, с. 290 с датой: 1815. Читано в ОЛСНХ 14 февраля 1818 г.

19. Подснежник, 1829, с. 238. В автографе название "Плач Кассандры. (Хор троянок)".

20. НЗ, 1820, N 2, с. 94, вместе со стих. "Купидону", под заголовком "Надписи статуям". Надпись сделана к статуе "Летящий Меркурий" (1563-1564) Дж. Болонья (Флорентийский нац. музей), известной в многочисленных копиях, одна из них находится в Павловске; в 1824 г. рисунок с этой статуи сделал Пушкин.

21. СП, 1820, кн. 10, с. 97, с подп. "Д". Встречается в лицейских сборниках. Читано в ОЛСХ 16 мая 1818. Перевод стих. С. Геснера "An den Amor".

22. СЦ на 1828, с. 95.

23. СЦ на 1825, с. 276.

24. НЛ, 1823, N 18, с. 78; с изменениями – СЦ на 1829, с. 183.

25. НЛ, 1825, N 3, с. 150. Написано в 1822-1823 гг. Имеет точки соприкосновения со стих. Баратынского "В альбом" ("Когда б вы менее прекрасной...", 1823?) и, возможно, обращено к тому же адресату (С. Д. Пономаревой).

26. НЛ, 1822, N 15, с. 31. (См.: Ранние редакции...)

27. СЦ на 1829, с. 47. В автографе (ИРЛИ, ф. 244 оп. 17 N 136, л. 328) назв. "Голос во сне".

28. СП. 1824, ч. 26, кн. I, с. 68. Читано в ОЛРС 17 марта 1824 г. Протекших дней очарования. – Парафраза "Песни" Жуковского ("Минувших дней очарованье...", 1816).

29. ПЗ на 1823, с. 265.

30. ПЗ на 1823, с. 288; одновременно – СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 60. Читано в ОЛРС 11 декаб-

ря 1822 г. (как "Сонет I").

31. СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 59. Читано в ОЛРС 11 декабря 1822 г. (как "Сонет II").

32. СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 58. Читано в ОЛРС 11 декабря 1822 г. 22 февраля 1823 г. Языков в письме из Дерпта просил брата поблагодарить Дельвига за этот сонет (ЯА, с. 49, 51-52) и ответил на него посланием "Барону А. А. Дельвигу" ("Иные дни – иное дело...", 1828). Я Пушкина младенцем полюбил... – 16 ноября 1823 г. Пушкин писал Дельвигу из Одессы: "На днях попались мне твои прелестные сонеты – прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского" (Пушкин, XIII, с. 74). Певца "Пиров..."- Баратынского, автора поэмы "Пирры".

33. ПЗ на 1824, с. 25. В автографе заголовок: "Сонет (пятый)". Книга Ф. В. Булгарина "Воспоминание об Испании" вышла в мае 1823 г.

34. ПЗ на 1824, с. 22, под назв. "Песня". В автографе – "Мелодия 3-я".

35. ПЗ на 1823, с. 109, под назв. "Песня".

36. СП, 1822, ч. 18, кн. III, с. 351, под назв. "Мой домик" и с подп. "Д". Читано в ОЛРС 3 октября 1821 г.

37. СП, 1821, ч. 14, кн. II, с. 187, с подп. "Д". Перевод идиллии "Serphis" X. – Э. фон Клейста (переведенной также А. Д. Илличевским). Вошло в лицейские сборники. (См.: Ранние редакции...)

38. СЦ на 1827, с. 302. Написано в связи с приездом в августе 1821 г. Баратынского (из Финляндии), Кюхельбекера (из Германии), П. Л. Яковлева (из Бухары).

39. СЦ на 1826, с. 66. В автографе в альбоме Воейковой назв. "Земной удел".

40. СЦ на 1828, с. 93. К солнцу впоследствии взор обрати, как Руссо... – По преданию, Руссо перед смертью просил открыть окно, чтобы взглянуть на солнце.

41. Лит. листки, 1823, N 4, с. 52, под назв. "На выпуск птички". В копии в альбоме Е. П. Ростопчиной заголовки: "Стихи в роде конкурса или пари или стипльчеза, написанные на заданную тему, в собрании молодых поэтов наших в Петербурге" (Верховский, с. 97). Ю. Н. Верховский предполагал, что этот "кон-

курс" состоялся в 1822 г. и для него были написаны "Птичка" Пушкина и "Птичка" Ф. А. Туманского. Б. В. Томашевский отвел датировку Верховского и самое свидетельство, указав на хронологические несоответствия (Изд. 1934, с. 450). Однако стих. Дельвига соотносится со стих. Пушкина, появившимся в тех же "Лит. листках" (1823, N 2) и под тем же названием ("На выпуск птички"). "Собрание молодых поэтов", возможно, было у Пономаревой; автограф "К птичке..." в тетради Дельвига следует сразу же за стих. "К Софии"; вероятно, она же обозначена здесь именем Делии (ср.; Изд. 1893, с. 116).

42. ПЗ на 1824, с. 91. В автографе назв. "Мелодия 2-я".

43. ПЗ на 1823, с. 377, под назв. "Песня". В автографе назв. "Венок".

44. НЛ, 1823, N 31, с. 80. Возможно, относится к С. Д. Пономаревой (Изд. 1893, с. 116).

45. СЦ на 1827, с. 311. В автографе первоначально посвящалась И. А. Баратынскому. Предназначалась для публикации в "Журнале изящных искусств", но в октябре 1825 г. была запрещена цензором А. И. Красовским (см.

46. НЛ, 1825, N 1, с. 29. 47-48. СЦ на 1828, с. 95, 96.

49. НЛ, 1823, N 38, с. 191, под назв. "К Лиле". Записано в альбом С. Д. Пономаревой, которой и посвящено.

50. ПЗ на 1824, с. 201. По воспоминаниям А. П. Керн, "Пушкин говорил, что он этот романс прочел и прочувствовал вполне в Одессе, куда ему его прислали. Он им восхищался с любовью, которую питал к другу-поэту" (Керн, с. 76). По поводу этого и других стих. Дельвига в ПЗ на 1824. Пушкин писал ему в письме к брату от 30 января 1823 г.: "Благословляю и поздравляю тебя – добился ты наконец до точности языка – единственной вещи, которой у тебя недоставало" (Пушкин, XIII, с. 56).

51. ПЗ на 1824, с. 315.

52. НЗ, 1820, N 3, с. 62. В автографах назв. "Эпитафия самому себе" и "Эпитафия Дельвигу" (в несохранившемся альбоме Илличевского). Написано в лицейские годы.

53. РМ, 1815, N 6, с. 270, с подп. "Д".

54. Подснежник, 1829, с. 153.

55. СЦ на 1825, с. 295. В автографе назв.: "Мелодия 4-я". Начало варьирует популярную народную песню "Скучно, матушка, весною жить одной...".

56. РМ, 1815, N 9, с. 260, с подп. "Д". Вторично – СП, 1819, N 12, с. 103, под назв.: "К А. С. Пушкину. Горацианская ода". По-видимому, это стих, читалось в ОЛСНХ 16 мая 1819 г. под назв.: "Поэт. Горацианская ода". В автографе эпиграф: "Nur die Muse gewahrt einiges Leben dem Tod. G(oethe)" ("Только лишь муза дает смерти какую-то жизнь") – из стих. Гете "Евфросина" (1797-1798). Стих, варьирует мотивы од Горация, более всего оды 3 кн. IV. Ответом на него было послание Пушкина "К Дельвигу" ("Послушай, муз невинных...", ноябрь 1815). Лебедь... Авзонии – метафора поэтического дарования; авзонийским лебедем называли Горация; сам Гораций уподоблял лебедю Пиндара. Образ был распространен в русской поэзии в обращениях к Ломоносову и Державину (ср. у Пушкина в черновиках "Воспоминаний в Царском Селе", 1815) "Лебедь" (1804) Державина

вина – свободная переработка оды 20, кн. II Горация. (См.; Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина "Я памятник себе воздвиг...". Л., 1967, с. 180-199.) Тот в советах не мудрствует... – В РМ – "в конгрессах" (намек на Венский конгресс 1814-1815 гг.).

57. РМ, 1815, N 8, с. 154, с подп. "Д". (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 19 сентября 1818 г.

58. НЛ, 1822, N 11, с. 174. См.: Ранние редакции...

59. Б., 1819, N 6, с. 335. Вошло в рукописные лицейские сборники. В 1819г. было отредактировано Дельвигом и Пушкиным, 17 апреля 1819г. было представлено на 3-е заседание "Зеленой лампы". См.: Ранние редакции...

60. ВЕ, 1814, N 22, с. 99, под назв. "Дафна", вместе с др. стих., с общей подп. "Д". (См.: Ранние редакции...) С изменениями – СП, 1820, кн. II, с. 194. В беловом автографе – правка Пушкина. Перевод стих. М. Клаудиуса "Phidile". Первая строка – вариация чрезвычайно популярной "Песни" И. Ф. Богдановича ("Пятнадцать мне минуло лет...", 1773). Читано (как "Дафна") в ОЛСНХ 19 сентября 1818 г.

61. СП, 1820, кн. XII, с. 325, под назв. "Романс". (См.: Ранние редакции...), с подп. "Д", Подснежник, 1829, с нотами М. И. Глинки.

62. ВЕ, 1814, N 15, с. 89, с подп. "Д". (См.: Ранние редакции...); с изменениями – СП, 1819, кн. X, с. 81, с подп. "Д".

63. НЛ, 1823, N 3, с. 47, под назв. "Романс". В автографах включалась в "Песни".

64. Изд. 1829, с. 156. Упоминается в дневнике А. Н. Вульфа 30 сентября 1829 г.: "Пастушеская последняя его (Дельвига. – Сост.) идиллия тоже очень хороша" (ПС, вып. XXI-XXII. Пг., 1915, с. 23). В октябре или ноябре Баратынский осведомился у Дельвига: "Что ты помещаешь в "Цветях"? "Последнюю эпоху золотого века" или что другое? Надеюсь, что первое" (Хетсо, с. 592).

...Шекспирову описанию смерти Офелии. – См. "Гамлет", акт 4.

65. Изд. 1829, с. 173. Соотносится с эпиграфом. Обращено, по-видимому, к С. М. Дельвиг.

**with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
01.10.2008**